УДК 94(571.1/5)

ББК 63.3(2Р54)

DOI 10.31554/2222-9175-2019-33-10-21

Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек

ИНСТИТУТ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОВ
В АЗИАТСКОЙ РОССИИ: ЛЮДИ И СТРУКТУРА

В статье на основе нормативных и делопроизводственных источников рассматривается история введения института генерал-губернаторского правления на огромной территории Азиатской России. На основе компаративного анализа воссоздается подробный социальный портрет элиты сибирского отряда управленцев. Отмечаются особенности деятельности генерал-губернаторов на востоке империи, определявшие Сибирским учреждением 1822 г.

Ключевые слова: Азиатская Россия, Сибирь, генерал-губернаторы, власть, социальный портрет, особенности.

L. M. Dameshek, I. L. Dameshek

INSTITUTE OF GOVERNOR-GENERAL
IN ASIATIC RUSSIA: PEOPLE AND STRUCTURE

Based on the regulations and documents of management and record keeping the article deals with the history of establishment of governor-general's institute in the vast territory of Asiatic Russia. A detailed social portrait of the elite of Siberian government officials has been recreated on the basis of a comparative analysis. Moreover, the article examines the specific features of the activity of governor-generals in the empire's east, determined by the Sibirskoe Uchrezhdenie (1822).

Keywords: Asian Russia, Siberia, governor-generals, power, social portrait, features.

Государство всегда играло исключительно важную роль в истории России. В период становления единого Российского государства оно выступало собирателем разрозненных земель в рамках единого государства; в XVI, XVIII и XIX вв. определяло основные направления социального и экономического развития страны, транспортной инфраструктуры, несколько позже в этих традиционных функциях существенную роль стали играть определение ориентиров правовой, культурной и политической жизни.

Интерес к феномену русской государственности, активно демонстрируемый в последнее время представителями различных областей гуманитарного знания, вполне закономерно сопровождается обостренным вниманием к истории политических институтов императорской России как в центре, так и на местах. Последнее обстоятельство подчеркнуто отнюдь не случайно. Объясняется это как особенно-

ДАМЕШЕК Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России исторического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Россия). E-mail levdamshhek@gmail.com.

ДАМЕШЕК Ирина Львовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России исторического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Россия). E-mail dameshek@rambler.ru.

стями исторического развития, так и геополитического строения российской государственности – ее евразийско-азиатским строением, огромной протяженностью, пестрым этническим и религиозным составом населения, его образом жизни, культурными традициями... Современная Россия в значительной степени унаследовала особенности геополитического строения империи. Ее традиционное диополе Европа – Азия, неравномерность в экономическом и социокультурном развитии регионов Федерации, сохраняющиеся этническая, религиозная пестрота и имевший в недавнем прошлом место «парад суверенитетов» – все это выдвигают перед теоретиками и практиками государственного строительства непростую и в то же время актуальную задачу выработки концептуальных основ региональной политики новой демократической России. В этом смысле изучение исторических целей региональной политики в досоветской России является весьма полезным и актуальным.

В императорской России одним из важнейших рычагов управления, особенно на окраинах государства, был институт генерал-губернаторской власти. Властное освоение окраин, стремление слить их в единое целое с Россией привело к существованию на местах проводников имперской идеологии и политики, которыми и стали генерал-губернаторы.

Возникновение генерал-губернаторской власти как политической силы непосредственно связано с тотальной системой государственных преобразований и первой областной реформой Петра I. Дальнейшее конституцирование института генерал-губернаторской власти приходится на вторую половину XVIII в. и связано с губернской реформой императрицы Екатерины II. В ходе введения института наместников в конце XVIII в., как и в эпоху Петра I, в деятельности генерал-губернаторов окраинах территорий можно наблюдать специфические обязанности, которых не было у их коллег из внутренних губерний империи. Большая часть этих функций вытекала из особенностей экономического развития и геополитического положения этих регионов. В эпоху Павла I институт наместников был упразднен, но уже в начальный период царствования Александра I вопрос о судьбе наместников стал одной из основных проблем, обсуждаемых в контексте преобразований системы управления империей. Однако дальнейшее развитие идеи повсеместного введения генерал-губернаторского правления связано с тридцатилетней эпохой Николая I. В новейших отечественных исторических исследованиях справедливо отмечается, что политика этого монарха отличалась несомненной логикой и заметной взаимосвязанностью проводимых им мероприятий [Реформы в России...: 365]. Именно в этом послыле следует рассматривать требование Николая I к Комитету министров о необходимости разработки Общей инструкции генерал-губернаторам, которая и была утверждена царем 29 мая 1853 г. [ПСЗРИ-I, т. 28, № 217293]. Источником для ее разработки стало Учреждение 1775 г. и законодательные наработки 30–40-х гг. Впоследствии эта инструкция без каких-либо существенных изменений целиком вошла во вторую книгу Свода законов империи в раздел «О начальниках губернии» и повторялась вплоть до начала XX столетия [Свод законов Российской империи, т. II, изд. 1872 г., ст. 415–472; изд. 1892 г., ст. 201–261]. Тем самым был законодательно конституирован статус генерал-губернаторов империи, что находилось в полном соответствии с рядом других мероприятий Николая I по укреплению основ монархического строя и выстраивания четкой системы государственного управления. При выработке доктрины окраинной политики правительство пыталось руководствоваться тремя принципами: увеличение налоговых поступлений, удобством управления и безопасностью границ. Однако даже реализация одного из них – доходности края, применительно к столь различным по основным параметрам территориям, как, к примеру, Сибирь, Кавказ

или Финляндия, со всей очевидностью свидетельствовала о невозможности проведения единых мероприятий. Это порождало поливариантность модели управления [Дамешек, Дамешек 2015]. Именно такая мозаичная управленческая практика позволяла империи успешно решать сложнейшие задачи регионального своеобразия.

Несмотря на существующие различия, общим признаком окраин империи, управляемых на «особом положении», было наличие в ней генерал-губернаторской власти. Упразднение последней означало высокую степень интеграции данной территории в систему общероссийских экономических, политических и социокультурных связей. Именно глубиной интеграции, сменой внешнеполитических ориентиров, возросшими внутривнутриполитическими осложнениями следует объяснять изменения в географии генерал-губернаторской власти во второй половине XIX в. Немаловажную роль в этом играла и позиция Министерства внутренних дел, стремившегося посредством упразднения должности генерал-губернатора усилить свои позиции в регионе. Уже в конце 50-х гг. были ликвидированы Черниговское, Полтавское, Харьковское генерал-губернаторство и упразднена должность генерал-губернатора Витебской, Могилевской, Смоленской губерний. В 1866 г. упразднен пост генерал-губернатора в Петербурге; в 1874 г. – Новороссийское и Бессарабское генерал-губернаторство, в 1876 г. – Прибалтийское, в 1881 г. – Оренбургское.

Эпоха буржуазных реформ и контрреформ принесла для генерал-губернаторской власти немало и иных перемен. Вторая половина XIX в. характеризуется активными действиями русской дипломатии на дальневосточных и среднеазиатских рубежах. Июльским указом 1868 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Его геополитические особенности наложили отпечаток на полномочия высшей местной администрации. Генерал-губернатор являлся одновременно не только главой высшей местной власти, но и командующим войсками Туркестанского военного округа. Наряду с этим он наделялся и дипломатическими полномочиями. Вслед за Туркестаном на карте Азиатской России появилось еще одно генерал-губернаторство. Указом от 18 июля 1882 г. генерал-губернаторство Западной Сибири было упразднено, а Тобольская и Томская губернии подчинены непосредственно Министерству внутренних дел. Одновременно с этим правительство объявило об организации степного генерал-губернаторства с центром в г. Омске в составе Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей. Однако на этом изменения в административной нарезке Сибири не закончились. Указом от 16 июня 1884 г. было образовано Приамурское генерал-губернаторство из Амурской, Забайкальской, Приморской областей и о-ва Сахалин. На этом собственно завершились преобразования института генерал-губернаторской власти на востоке государства, да и в империи в целом. К началу XX в. в России, не считая Московского, действовали Варшавское, Виленское, Ковенское и Гродненское; Киевское, Подольское, Волынское, Иркутское, Приамурское, степное и Туркестанское генерал-губернаторства [Институт генерал-губернаторства 2003: 246]. За период с 1905 по 1917 г. было вновь восстановлено Кавказское [ПСЗРИ-III, т. 25, отд. 1, № 25891] и упразднено Виленское, Ковенское и Гродненское генерал-губернаторства. Характерно, что 5 из 9 постоянных генерал-губернаторств располагались на территории азиатской части империи, отличавшейся ярко выраженным национальным, конфессиональным колоритом и управляемых на особом положении [1]. Данные законоположения, а также упоминавшаяся ранее инструкция 1853 г. определяли характер деятельности и правовой статус этих особо уполномоченных верховной властью государственных служащих.

Что же собой представляла эта верхушка правящей местной бюрократии? За период существования (1822–1887) генерал-губернаторства Восточной Сибири (с

1887 по 1917 г. Иркутского) и генерал-губернаторства Западной Сибири (1822–1882) на должностях главных начальников края побывало соответственно 19 и 9 чел. Произведя необходимые расчеты, мы увидим, что средний срок пребывания на должности генерал-губернатора составлял около 6 лет. Это показатель вполне сопоставим с другими генерал-губернаторствами Азиатской России. Так, например, в Приамурском генерал-губернаторстве (1884–1917) он составлял 5,5 года, в степном (1882–1917) – 6, в Туркестанском (1867–1917) он был несколько ниже – 4 года.

Аналогичная картина прослеживается и в других окраинных генерал-губернаторствах империи. В Варшавском он составлял примерно 4,3 года, на Кавказе – 6 лет, в Финляндии – 7,6 года. Обращают на себя внимание личности, которые возглавляли «вверенные» им генерал-губернаторства по 10 и более лет. В Восточной Сибири ими были А. С. Лавинский, В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев, М. С. Корсаков и А. Д. Горемыкин, в Западной Сибири – Г. Х. Гасфорд и П. Д. Горчаков. Среди «долгожителей» других азиатских генерал-губернаторств следует выделить первого Туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана (1867–1882), И. И. Воронцова-Дашкова на Кавказе (1905–1916), Ф. Ф. Штейнгеля (1810–1823) и Н. В. Адлерберга (1860–1881) в Финляндии. Рекорд по продолжительности службы на посту генерал-губернатора принадлежит А. С. Меншикову, который возглавлял Великое княжество Финляндское 24 года (1831–1854). Случаи пребывания в должности генерал-губернатора в течение года или менее были крайне редки. Источники зафиксировали лишь один такой факт, связанный с именем Н. С. Сулимы, который пробыл генерал-губернатором Восточной Сибири всего 9 месяцев, но затем был переведен на аналогичную должность в Западную Сибирь. Характерное для правительства стремление менять губернаторов в годы кризисных народных волнений и революционных событий не прослеживается на уровне генерал-губернаторов. Наоборот, в годы острых общественно-политических кризисов, например 1879–1881, 1905–1907, в России учреждаются временные генерал-губернаторства с весьма широкими полномочиями их главных начальников. Иными словами, генерал-губернаторское правление на окраинах империи выглядело весьма стабильным.

Генерал-губернаторы Сибири не только формально, но и на деле были верхушкой местной правящей бюрократии [Дамешек, Дамешек 2018]. Все генерал-губернаторы, за исключением трех, были военными в чине генерал-лейтенанта или полного генерала [II], что соответствовало III и II классам Табели о рангах. Таким образом, сибирские генерал-губернаторы на деле принадлежали к верхушке правящей бюрократии не только Сибири, но и России в целом. По возрасту на момент назначения они распределялись следующим образом: от 35 до 40 лет – двое, от 40 до 50 лет – шестеро, от 50 до 60 – девять и старше 60 лет – трое. Таким образом, больше половины генерал-губернаторов были старше 50 лет. Средний возраст генерал-губернаторов в Восточной Сибири составлял 43 года, в Западной Сибири он был существенно выше – 53 года. Эти цифры вполне коррелируются с общероссийскими показателями. Для большинства генерал-губернаторов служба в Сибири стала пиком служебной карьеры. Лишь 5 человек продолжили службу далее, причем двое на таких же должностях: так, Н. С. Сулима в 1834 г. был переведен генерал-губернатором из Восточной в Западную Сибирь, а Игнатьев в 1889 г. назначен Киевским, Подольским и Волынским генерал-губернатором. Службу в армии продолжил П. М. Капцевич – в качестве командира отдельного корпуса внутренней стражи, Г. В. Мещеринов командовал войсками Казанского военного округа, а П. Д. Горчаков принял активное участие в Крымской войне. Для большинства же генерал-губернаторов после отставки следовало назначение в Государственный совет – 9 чел., Сенат – 3 чел., или иные почетные комитеты. Никто из генерал-гу-

бернаторов, за исключением В. Я. Руперта, не был отдан под суд или отстранен от должности за служебные упущения. На Дальнем Востоке, в степных и туркестанских областях должности генерал-губернаторов занимали исключительно военные, что было связано со сложными приграничными отношениями России с соседями в этих регионах. К сожалению, не все послужные списки сохранились до наших дней. Тем не менее из оставшихся из них видно, что генерал-губернатором Сибири, как и других азиатских окраин империи, мог стать лишь человек, прошедший хорошую бюрократическую лестницу гражданской или военной службы. Сибирские генерал-губернаторы особенно первой половины XIX в. отнюдь не были паркетными генералами. Как правило, они принимали участие в военных кампаниях России того времени. Так, например, первый западносибирский генерал-губернатор П. М. Капцевич (1822–1827) в качестве командира пехотных полков участвовал во всех известных сражениях Отечественной войны 1812 г. (Смоленск, Бородино, Малоярославец, Лейпциг), за что был отмечен многими боевыми наградами, в т. ч. орденами Св. Георгия II и III степени и золотой шпагой с бриллиантами. Его приемник на этом же посту И. А. Вельяминов (1827–1834) за «отличия» в сражении под Аустерлицем был награжден орденом Св. Георгия IV степени. Активным участником войны с наполеоновским нашествием был генерал-губернатор Восточной, а затем Западной Сибири Н. С. Сулима. Он принимал участие в сражениях под Аустерлицем, Витебском, Смоленском, Бородино, Тарутино, в Кенигсберге, Дрездене, Лейпциге, был дважды ранен. За участие в войне с Наполеоном Н. С. Сулима был отмечен многими наградами, в т. ч. орденом Св. Георгия III степени и золотой шпагой с надписью «За храбрость». Не случайно портреты П. М. Капцевича, И. А. Вельяминова, Н. С. Сулимы помещены в портретной галереи героев войны 1812 г. в Эрмитаже.

В военных действиях участвовали и многие другие сибирские генерал-губернаторы: С. М. Броневский сражался в 1804–1805 гг. на Кавказе, штурмовал крепости Дербент и Баку; П. Д. Горчаков отличился в финляндском походе в 1808–1809 гг., в сражении под Руцуком в Молдавии в 1810 г. В. Я. Руперт участвовал в русско-турецкой войне 1811–1812 гг. и заграничных походах русской армии 1813 г. Как видим, генерал-губернаторы Сибири первой половины XIX в. не на словах, а на деле были боевыми генералами. Своим выдвижением на один из самых высоких постов в губернской администрации они были обязаны репутации, приобретенной в годы войны с наполеоновской Францией.

Таким образом, можно утверждать, что именно армия служила источником формирования генерал-губернаторского корпуса как составной части государственного строя России. Однако никто из генерал-губернаторов до назначения в Сибирь не был с нею знаком [III], не имел серьезного опыта административно-хозяйственной и управленческой деятельности. Отсутствие последнего многие генерал-губернаторы стремились подменить армейскими командными действиями. Не случайно В. Я. Руперт еще до своей отправки в Сибирь предложил «ввести в этом крае более военное, нежели гражданское управление», губернаторов впредь назначать из генерал-майоров, а окружных начальников, полицмейстеров и заседателей – из штаб- и обер-офицеров [Ремнев 1995: 107]. Между тем при приоритете военно-политических задач, административно-хозяйственная деятельность занимала большой удельный вес в повседневных заботах генерал-губернатора. Если к этому добавить сложную географическую конфигурацию, особенности природно-климатических условий региона, плохое состояние коммуникаций, наличие в крае нескольких крупных земельных собственников, то становится очевидным, что наличие административно-хозяйственных навыков или отсутствие оных могло оказать существенное влияние на деятельность главных начальников края. Незнание генерал-губернаторами основ

управленческой деятельности приводило подчас к принятию весьма спорных решений, граничивших, по отзывам современников, с «совершенным произволом», к вседозволенности любимцев и бесконечной бумажной волоките [IV].

Подобная практика административно-хозяйственной деятельности генерал-губернаторов не оставалась незамеченной в Петербурге. Министры внутренних дел и финансов по мере возможностей пытались влиять на выбор кандидата императором. Тем не менее назначение генералов на генерал-губернаторское должности продолжалось и во второй половине XIX в. Однако, как показывает анализ их деятельности, в большинстве они оказались более подготовленными к исполнению возложенных на них обязанностей, чем предшественники. Изучение послужных списков генерал-губернаторов свидетельствует о том, что они до своего назначения уже имели определенный опыт гражданского правления. Так, например, Н. Н. Муравьев (впоследствии граф Амурский) был Тульским военным и гражданским губернатором; сменивший его М. С. Корсаков, до назначения генерал-губернатором в 1861 г., 13 лет прослужил в Сибири, участвовал в знаменитых амурских сплавах, а с 1855 г. был губернатором Забайкальской области; Д. Г. Анучин с 1865 по 1879 г. служил Родомским, а П. И. Кутайсов с 1873 по 1880 г. – Нижегородским губернаторами; А. Н. Селиванов познакомился с Сибирью во время службы начальником штаба Приамурского военного округа в 1899–1901 гг.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в Западной Сибири. Н. П. Казнаков до назначения в Сибирь был Киевским военным и гражданским губернатором; реформированием системы податей и сборов в качестве офицера Генерального штаба пришлось заниматься Г. В. Мещеринову.

Следует отметить еще одно требование, которому, по мнению правительства, должны были отвечать генерал-губернаторы Азиатской России, – это наличие опыта, пусть даже небольшого, дипломатической деятельности. Оно логически вытекало из сопредельного положения сибирских областей и губерний, активной внешней политики России на дальневосточных и среднеазиатских рубежах, с одной стороны, и невозможностью детально контролировать и направлять этот процесс из Петербурга – с другой. Ниже мы подробно коснемся этой специфической особенности деятельности сибирских генерал-губернаторов. Сейчас же отметим, что первым генерал-губернатором, получившим соответствующие полномочия российского Министерства иностранных дел на ведение переговоров с Китаем, был Н. Н. Муравьев [Матханова 1998: 154–186]. Некоторые из его приемников на посту генерал-губернатора своей предшествующей службой были неплохо подготовлены к исполнению такого рода обязанностей. Так, уже упоминавшийся Д. Г. Анучин в 1879 г. был заведующим гражданскими делами России в Болгарии и в качестве члена официальной российской делегации участвовал в работе Берлинского конгресса. Однако гораздо больший опыт такого рода был у А. О. Дюгамеля, который в 30-х гг. неоднократно выполнял важные дипломатические поручения Российского правительства в Турции, был генеральным консулом России в Египте, а позже послом в Тегеране.

В то же время среди сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX – начала XX в. можно встретить и кадровых военных, жандармских генералов. Таковыми были в Восточной Сибири А. П. Игнатьев и П. А. Фредерикс, в Западной Сибири – Г. Х. Гасфорд. Таким образом, можно констатировать, что сибирскими генерал-губернаторами служили лица, имевшие немалый опыт военно-политической, административно-хозяйственной и даже дипломатической деятельности.

Аналогичную картину можно наблюдать и в «соседнем» Приамурском генерал-губернаторстве. Сохранились послужные списки пяти из шести генерал-губернаторов этого региона. Из их анализа видно, что четверо из пяти в том или ином

отношении не были новичками на служебном поприще, имея опыт пребывания на различных руководящих должностях еще до своего назначения генерал-губернаторами. Так, С. М. Духовский был военным губернатором Эрзерумской области, Д. И. Субботич – Закаспийской, Н. Л. Гондатти – Сыр-Дарьинской. Кроме того, Н. И. Градеков и Н. Л. Гондатти хорошо знали край еще до своего назначения. Первый служил помощником Приамурского генерал-губернатора и в этом качестве ревизовал о-в Сахалин, а Н. Л. Гондатти заведовал переселенческим отделом в Приамурье. Любопытно, что карьера С. М. Духовского и Н. И. Градекова не завершилась на Дальнем Востоке. Позже они оба продолжили службу в качестве генерал-губернаторов Туркестана.

По своему сословному происхождению все сибирские генерал-губернаторы рассматриваемого почти 100-летнего периода были дворянами, причем четверо их них принадлежали к княжеским (П. Д. Горчаков), графским (А. П. Игнатъев, П. И. Кутайсов) и баронским (П. А. Фредерикс) родам, а пятый, Н. Н. Муравьев-Амурский – получил титул графа за службу в Сибири. Таким образом, удельный вес титулованной аристократии среди сибирских генерал-губернаторов был достаточно высок и составлял около 23 %. Однако с двором были связаны немногие. Лишь П. А. Фредерикс и Н. Н. Муравьев имели свитское звание генерал-адъютанта, а А. М. Князев придворное звание камергера. В остальных генерал-губернаторствах Азиатской России наблюдается примерно такая же картина. В степных областях и Туркестане владельцев титула среди генерал-губернаторов не было совсем.

Подавляющее большинство генерал-губернаторов получило военное образование. Сохранившиеся формулярные и послужные списки свидетельствуют, что, как правило, они заканчивали кадетские корпуса, реже специальные (артиллерийские, кавалерийские) училища, четыре человека – И. А. Вельяминов, Н. Н. Муравьев, А. О. Дюгамель, А. П. Игнатъев были выпускниками привилегированного Пажеского корпуса, трое – А. С. Лавинский, Н. С. Сулима, П. Д. Горчаков получили домашнее образование. По поводу последнего следует сказать особо. Домашнее образование было распространено в дворянских семьях в XVIII – начале XIX в. К нему не следует относиться скептически, хотя, по мнению исследователей, оно уступало систематическому курсу гимназий. Немало зависело от подбора учителей и программы обучения, составлявшихся, как правило, индивидуально. Так, например, домашнее образование получил П. С. Мордвинов, ставший впоследствии одним из крупнейших экономистов Европы [Мироненко 1989: 39].

К сожалению, национальный состав генерал-губернаторского корпуса не может быть проиллюстрирован, так как формулярные списки не содержат соответствующей графы. Сведения о вероисповедании не могут в данном случае выступать в качестве критерия, поскольку они не показывают связь между национальным происхождением и религиозными убеждениями. Тем не менее отметим, что большинство генерал-губернаторов исповедовали православие. Другие конфессии, например католицизм или лютеранство, представлены лишь отдельными личностями.

Значительный интерес представляют сведения об имущественном положении генерал-губернаторов. Однако лишь в единичных формулярных списках содержатся сведения о движимом и недвижимом имуществе, принадлежащем генерал-губернаторам на правах собственности. Поэтому для надежных выводов в данном случае нет оснований. Однако не подлежит сомнению, что для большинства генерал-губернаторов единственным источником доходов была служба, что в XIX в. и тем более в начале XX в. не было редкостью. Тем не менее в нашем распоряжении имеются данные, позволяющие охарактеризовать источники доходов этих высокопоставленных слуг государства. Основанием для таких суждений являются штатные расписания,

которые довольно точно фиксируют основные статьи расходов на содержание генерал-губернаторов, именные указы о назначении на должность, о персональных надбавках к денежным выплатам, иные документы. В Европейской России на первом месте по размерам бюджета были Санкт-Петербургское и Московское генерал-губернаторства. В среднем на одну штатную единицу там приходилось 1700 руб. бюджетных ассигнований. В остальных генерал-губернаторствах этот показатель был значительно ниже. Следует также отметить, что во всех генерал-губернаторствах Азиатской России сметой предусматривалось от 5 до 10 тыс. руб. на экстраординарные расходы.

Штаты сибирских генерал-губернаторств были утверждены в 1822 г. одновременно с Учреждением для управления Сибирских губерний. В Западной и Восточной Сибири штатное расписание, равно и оклады служащих, были примерно одинаковыми. Например, жалование советника Главного управления составляло 3 тыс. руб. в год, столоначальника – 1500, советник губернского правления получал 560 руб., а секретарь того же губернского правления – всего 280 [ГАИО: ф. 24, оп. 10, к. 1652, д. 81, л. 2об.-3об.]. Доходы генерал-губернаторов складывались из жалования по должности, столовых сумм и ассигнований на разъезды. Квартирные деньги, обычные для большинства чиновников (деньги на наем жилого помещения), генерал-губернаторам не выплачивались, так как законом предусматривалось предоставление им, как и гражданским и военным губернаторам, служебного помещения. В Иркутске резиденцией генерал-губернатора стал купленный казной в 1840 г. у купца А. М. Сибирякова особняк в стиле классицизма, расположенный на берегу Ангары и ставший впоследствии знаменитым «Белый дом». В 50-х гг. XIX в. (после перенесения столицы западносибирского генерал-губернаторства из Тобольска в Омск) был построен специальный дворец для генерал-губернатора. Необходимо сделать еще одно уточнение, касающееся статьи «жалование» генерал-губернатора. Она включала не только выплаты по должности и чину, размеры которого четко фиксировались законом, но и так называемое добавочное содержание, размеры которого были сугубо индивидуальны и, как правило, значительно превышали совокупные выплаты «по чину и должности».

В рассматриваемый период времени жалование сибирских генерал-губернаторов составляло 10 тыс. руб. в год, 12 тыс. руб. столовых и выплат на разъезды. Таким образом, законом совокупный доход сибирского генерал-губернатора в конце первой четверти XIX в. определялся более 22 тыс. руб. в год. Это была весьма значительная сумма, многократно превышающая жалование подчиненных генерал-губернатора. Следует отметить, что на практике жалование по должности и чину, столовые, другие выплаты были не единственными источниками денежных поступлений в бюджет генерал-губернатора. Весьма существенной его частью были разовые денежные «дотации», т. е. выплаты, связанные со вступлением в должность. В данном случае имеются в виду не деньги, выделяемые «на обзаведение» или «прогонные» (путевые расходы, связанные с переездом на новое место службы), а выкуп казной заложенного имения генерал-губернатора (если таковое имелось), оплата долгов, предоставление длительного беспроцентного кредита. Эта практика была весьма распространена в первой половине XIX в., но ее рецидивы можно наблюдать и в последующий период сибирской истории. В 1806 г. одной из важных «побудительных» причин согласия И. Б. Пестеля стать сибирским генерал-губернатором были большие долги, заставлявшие его «искать средства исправить свое состояние...». Надо сказать, что его надежды оправдались. При вступлении в должность ему «из казны было выдано 40 тыс. руб. на десять лет без залога и процентов...», которые и пошли на уплату долга [Бумаги Пестеля 1875: 421]. В 1837 г.

В. Я. Руперту при назначении генерал-губернатором было пожаловано 10 тыс. руб. на уплату долгов и еще 10 тыс. для проезда в Иркутск [РГИА: ф. 1349, оп. 4, д. 1845, л. 1–18]. М. С. Корсакову в 1861 г. при вступлении в должность генерал-губернатора Восточной Сибири одновременно «на обзаведение» из казны было выделено 10 тыс. руб. [Матханова 1998: 344]. Подобные выплаты имели место, как правило, в связи с назначением на должность «главного начальника края». Для всех остальных категорий служащих они были исключены.

Введенное Сибирским учреждением 1822 г. штатное расписание и равенство окладов генерал-губернаторов обеих частей Сибири было формальным и на практике соблюдалось только в первые годы. Впоследствии государство отказалось от этого принципа, введя дифференцированные надбавки, размер которых был сугубо индивидуален. А. И. Дюгамель, будучи генерал-губернатором Западной Сибири в 1861–1866 гг., получал 18 тыс. руб. в год, а уже упоминавшегося М. С. Корсакову (1861–1871) было решено платить существенно больше – 23 тыс. Примерно такой же доход был и у предшественника М. С. Корсакова. Накануне отставки в 1861 г. жалование генерал-адъютанта, генерала от инфантерии генерал-губернатора графа Н. Н. Муравьева-Амурского складывалось из жалования по чину 1394 руб. 25 коп., жалования по званию генерал-губернатора – 2802, столовых – 3396 руб. 72 коп., на разъезды – 1715 руб. 40 коп. и прибавочных лично ему 15 тыс. Итого: 24308 руб. 37 коп. [Матханова 1998: 226]. Оно вполне сопоставимо с жалованием его приемника на этом посту М. С. Корсакова с той лишь разницей, что последний при вступлении в должность имел чин генерал-майора. Жалование М. С. Корсакова составляло: по чину – 1017 руб., по званию – 2082, столовых – 3362 руб. 40 коп., добавочного содержания – 14700 руб. и 1715 руб. 40 коп. на разъезды. Таким образом, оно исчислялось почти в 23 тыс. руб. в год. К этому следует добавить, что в 1858 г. М. С. Корсакову за участие в присоединении Амура Александром II была пожалована пожизненная пенсия в 2 тыс. руб. в год. Таким образом, подчеркнем, что, несмотря на определенные различия, размер жалования генерал-губернатора был весьма значительным и позволял даже при отсутствии имения вести достойный этой должности образ жизни и выполнять свойственные должности представительские обязанности.

О том, насколько высоко оценивало правительство труд генерал-губернатора, можно судить из сопоставления размеров жалования генерал-губернатора с жалованием гражданских и военных губернаторов сибирских губерний и областей. Возьмем для рассмотрения временной отрезок 1860–1870-х гг. В этот период генерал-губернатор Западной Сибири А. П. Хрущов (1866–1875) получал следующее содержание: по званию генерал-губернатора 10 тыс. руб., добавочное – 3503, столовых – 2802 и по званию командующего войсками – 1356 руб. Итого: 17661 рубль [Список генералам... 1867: 303]. Его коллега – генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков (1861–1871) в тот же период получал жалования по чину 1356 руб., по званию генерал-губернатора – 2802 руб., прибавочного содержания – 14700 руб., на разъезды – 1715 руб. 40 коп., столовых – 3362 руб. и пенсия 2 тыс. Итого: 25935 руб. [Там же: 388]. Для сравнения приведем данные за тот же период времени по денежному содержанию их коллег губернского и областного уровня. В частности, Тобольский гражданский губернатор (1862–1867) действительный статский советник А. В. Виноградский получал всего 2687 руб., в т. ч. жалования – 1400 руб., столовых – 600 и квартирных – 687 [Список гражданским чинам... 1859: 336]. Томский гражданский губернатор (1868–1871) действительный статский советник Н. В. Родзянко, имевший знак отличия за безупречную службу и бронзовую медаль в память войны 1853–1856 гг., получал существенно больше – 8032 руб. (в т. ч. жалования и столовых – по 1716 руб., прибавочного – 2 тыс., арендных – 1200 и квартирных –

120 руб.). Жалование военного губернатора Забайкальской области и наказного атамана Забайкальского казачьего войска Н. П. Дитмара (1864–1874) составляло 4 тыс. руб. – по 2 тыс. руб. жалования и столовых соответственно [Список генералам... 1866: 740].

В 1875 г. генерал-губернатор Западной Сибири Н. Г. Казнаков получал жалование в размере 20158 руб., в т. ч. 3 тыс. руб. пенсии. В этот же период времени денежное содержание его восточно-сибирского коллеги барона П. А. Фредерикса составляло 23856 руб. При этом он не получал пенсии и добавочного жалования, однако ежемесячные выплаты ему по должности генерал-губернатора равнялись 19 тыс. руб. К этому добавлялись 1356 руб. – жалование по чину и 3500 руб. – столовых [Список генералам... 1875: 315, 459].

Для сравнения укажем, что Именным указом от 4 января 1885 г. А. П. Игнатьеву при вступлении в должность генерал-губернатора Восточной Сибири было назначено содержание в размере 19 тыс. руб. в год [ГАИО: оп. 12, д. 123, л. 2об.]. В то же время по штатам управления 1887 г. канцелярским чиновникам полагалось 900 руб. в год, а канцелярские служители довольствовались еще меньшим жалованием [ПСЗРИ-III, т. 7, № 4517]. Таким образом, можно заключить, что разница годичного содержания высшей сибирской администрации и более низкого звена чиновничьего аппарата была весьма значительной, а подчас просто огромной. Следует отметить, что жалование представителей высшей сибирской администрации, как следует из приведенных выше данных, было весьма вариативным. Прежде всего это замечание относится к персональным выплатам по должности генерал-губернатора. Можно предположить, что одним из определяющих факторов здесь являлась сложность и важность задач, которые предстояло решать тому или иному генерал-губернатору в своем крае.

Приведенные данные о генерал-губернаторах позволяют охарактеризовать эту высокопоставленную прослойку царских управленцев гораздо яснее и шире, чем это делалось до сих пор. Отметим, что по своим возрастным характеристикам это были вполне работоспособные, а не обремененные старческими недугами люди. Большинство из них до вступления в должность имели значительные опыт военной, а подчас и управленческой деятельности, что в глазах правительства служило залогом успешного выполнения стоящих перед ними задач. Уровень образования значительной части генерал-губернаторов – кадетские корпуса – был типичным для крупных администраторов империи того времени. В российском законодательстве XVIII в. наметилась, а в XIX в. усилилась тенденция к оформлению специальных норм, что послужило развитию юридических основ государственной службы в Сибири. Базируясь на общеимперском законодательстве, организация генерал-губернаторской власти в Сибири в то же время основывалась на специально разработанных для данного региона законодательных актах, важнейшим из которых было Сибирское учреждение 1822 г. [Дамешек и др. 2017].

Административное устройство и способы управления конкретными территориями, как известно, зависят от многих факторов: исторических условий, типологии политической системы государства и т. д. На формирование объективных особенностей деятельности региональной власти оказывает и географическая среда. Думается, не следует сводить понятие влияния географической среды только к становлению пространственной конфигурации административных единиц. Она в немалой степени влияет и на функции административных учреждений. На примере Азиатской России можно наблюдать прямую взаимосвязь между размерами территорий и властными полномочиями различных инстанций. В России в эпоху Николая I возобладало мнение, согласно которому азиатская часть империи в силу удаленности от центра страны, больших размеров территорий, приграничного положения, пестро-

го этнографического состава населения нуждается в особой системе управления. Прямым порождением этой теории стало генерал-губернаторское правление, по характеристике известного русского правоведа А. Д. Градовского, «власть чрезвычайная», сохранившаяся на азиатских пространствах империи вплоть до 1917 г. [1899: 324]. Деятельность этой системы власти регламентировалась общеимперским законодательством. В то же время для каждого из четырех генерал-губернаторств Азиатской России – Иркутского, Приамурского, степного, Туркестанского были приняты специальные законоположения, определяющие особенности деятельности генерал-губернаторской власти на данной конкретной территории. Метод компаративизма дает возможность определить специфические черты генерал-губернаторского правления в каждом из перечисленных регионов империи.

Примечания

I. В 1903 г. в МВД вновь обсуждался вопрос о подчинении губернии Западной Сибири генерал-губернаторскому ведению, однако он не был положительно решен [РГИА: ф. 1284, оп. 185, 1904 г., д. 28].

II. В Восточной Сибири служили 3 штатских генерал-губернатора: А. С. Лавинский (1822–1833) имел гражданский чин тайного советника, что соответствовало званию генерал-лейтенанта; равный чин, но по придворному ведомству – егермейстера имел И. М. Князев (1910–1916). Лишь последний Иркутский генерал-губернатор А. И. Пильц был действительным статским советником, что соответствовало званию генерал-майора.

III. Исключением является С. М. Броневский, который до своего назначения генерал-губернатором в 1834 г. прослужил ряд лет на разных должностях в Сибирском казачьем войске, в отдельном Сибирском корпусе и в 1825 г. даже ревизовал канцелярию генерал-губернатора Западной Сибири. Отмечая его заслуги в развитии сельскохозяйственного производства в Сибири, Московское общество сельского хозяйства дважды, в 1822 и 1835 гг., наградило его специальной медалью за «усовершенствование сельского хозяйства» и открытие в г. Омске школы земледелия.

IV. Известный сибирский мемуарист этого времени нижеудинский исправник М. М. Геденштром пишет о «широком произволе» принимаемых генерал-губернаторами решений, нежелании последних считаться с чьим-либо иным, пусть даже правильным мнением [1830].

Источники и литература

Государственный архив Иркутской области (ГАИО): ф. 24, оп. 10, к. 1652, д. 81, л. 2об.–3об.; оп. 12, д. 123, л. 2об.

Полное собрание законов Российской империи-I (ПСЗРИ-I), т. 28, № 217293.

Полное собрание законов Российской империи-III (ПСЗРИ-III), т. 25, отд. 1, № 25891; т. 7, № 4517.

Российский государственный исторический архив (РГИА): ф. 1284, оп. 185, 1904 г., д. 28; ф. 1349, оп. 4, д. 1845, л. 1–18.

Свод законов Российской империи. Т. II. Изд. 1872. Ст. 415–472.

Свод законов Российской империи. Т. II. Изд. 1892. Ст. 201–261.

Список гражданским чинам IV класса. – СПб., 1859.

Список генералам по старшинству. – СПб., 1866–1867.

Список генералам по старшинству. – СПб., 1875.

Бумаги Пестеля // Русский архив. – 1875. – № 4. – С. 369–423.

Геденштром М. М. Отрывки из Сибири / М. М. Геденштром. – СПб.: Въ типографіи медицинскаго департамента Министерства Внутренних Дѣлъ, 1830. – 178 с.

Градовский А. Д. Собр. соч. В 9 т. Т. 1 / А. Д. Градовский. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – 421 с.

Дамешек Л. М. Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX – начала XX века / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – 223 с.

Дамешек Л. М. Российские окраины в имперской модели управления / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек // Вестник Томского государственного ун-та. – 2018. – № 433. – С. 88–95.

Дамешек Л. М. Сибирские реформы М. М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, Т. А. Перцева. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. – 341 с.

Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. В 2-х т. Т. 1. / под общ. ред. В. В. Черкесова. – СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2003. – 577 с.

Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков / Н. П. Матханова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – 428 с.

Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века / С. В. Мироненко. – М.: Наука, 1989. – 240 с.

Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. / А. В. Ремнев. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1995. – 236 с.

Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4-х т. Т. 2. XVIII – первая половина XIX в. – М.: РОССПЭН, 2016. – 429 с.

References

Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti (GAIO): f. 24, op. 10, k. 1652, d. 81, l. 2ob.–3ob.; op. 12, d. 123, l. 2ob.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii-III (PSZRI-III), t. 25, otd. 1, № 25891; t. 7, № 4517.

Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA): f. 1284, op. 185, 1904 g., d. 28; f. 1349, op. 4, d. 1845, l. 1–18.

Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. II. Izd. 1872. St. 415–472.

Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. II. Izd. 1892. St. 201–261.

Spisok grazhdanskim chinam IV klassa. – SPb., 1859.

Spisok generalam po starshinstvu. – SPb., 1866–1867.

Spisok generalam po starshinstvu. – SPb., 1875.

Bumagi Pestelya // Russkij arhiv. – 1875. – № 4. – S. 369–423.

Gedenshtrom M. M. Otryvki iz Sibiri / M. M. Gedenshtrom. – SPb.: V” tipografii medicinskogo departamenta Ministerstva Vnutrennih” Del”, 1830. – 178 s.

Gradovskij A. D. Sobr. soch. V 9 t. T. 1 / A. D. Gradovskij. – SPb.: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1899. – 421 s.

Dameshek L. M. Okrainy Rossijskoj imperii: instituty i byurokratiya XIX – nachala XX veka / L. M. Dameshek, I. L. Dameshek. – Irkutsk: Izd-vo IGU, 2015. – 223 s.

Dameshek L. M. Rossijskie okrainy v imperskoj modeli upravleniya / L. M. Dameshek, I. L. Dameshek // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo un-ta. – 2018. – № 433. – S. 88–95.

Dameshek L. M. Sibirskie reformy M. M. Speranskogo 1822 g.: opyt administrativnogo regulirovaniya interesov centra i regiona / L. M. Dameshek, I. L. Dameshek, T. A. Perceva. – Irkutsk: Izd-vo IGU, 2017. – 341 s.

Institut general-gubernatorstva i namestnichestva v Rossijskoj imperii. V 2-h t. Т. 1 / pod obshch. red. V. V. Cherkosova. – SPb.: Yurid. Centr Press, 2003. – 577 s.

Mathanova N. P. General-gubernatory Vostochnoj Sibiri serediny XIX veka: V. Ya. Rupert, N. N. Murav’ev-Amurskij, M. S. Korsakov / N. P. Mathanova. – Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 1998. – 428 s.

Mironenko S. V. Samoderzhavie i reformy. Politicheskaya bor’ba v Rossii v nachale XIX veka / S. V. Mironenko. – М.: Nauka, 1989. – 240 s.

Remnev A. V. Samoderzhavie i Sibir’. Administrativnaya politika v pervoj polovine XIX v. / A. V. Remnev. – Омск: Изд-во Омск. un-ta, 1995. – 236 s.

Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4-х т. Т. 2. XVIII – первая половина XIX в. – М.: ROSSPEN, 2016. – 429 s.